

НѢЧТО ОБЪ «ОПАЛЬНОМЪ ЖУРНАЛѢ»

(письмо къ редактору)

«Въ ерундѣ, говоритъ г. Антоновичъ, можетъ заключаться весь корень человѣческихъ бѣдствій.» Никогда, милостивый государь, я не держался этой мысли и всегда почиталъ ее весьма опасною и вредною мыслью. Кто приписываетъ ерундѣ такую силу и такое значеніе въ дѣлахъ человѣческихъ, тотъ есть мизантропъ самаго худшаго свойства. По моему мнѣнію какъ изъ ничего ничего не бываетъ, такъ и изъ ерунды ничего не можетъ произойти, кромѣ ерунды. Вотъ почему обличеніе ерунды, составляющее предметъ моихъ писемъ, я не считалъ дѣломъ важнымъ, а потому позволилъ себѣ не писать къ вамъ уже четыре мѣсяца и охотно бы отказался писать теперь. Дѣло въ томъ, что у меня нѣсколько слабѣетъ та особенная охота къ наблюденіямъ надъ россійскою словесностью, которая воодушевляла меня въ первыхъ моихъ письмахъ, писанныхъ уже болѣе года назадъ. Скажу нехвалясь, что только человѣкъ пристрастный не отдастъ справедливости моимъ трудамъ. Пусть размѣры ихъ не велики (всѣ семь писемъ, включая и настоящее, составляютъ меньше семи печатныхъ листовъ), пусть результаты ихъ весьма малы, общее значеніе незначительно; тѣмъ неменѣе ихъ строгость, отчетливость, ясность — стоили мнѣ немалыхъ усилій и, какъ я думаю, заслуживаютъ полной похвалы. Что удивительнаго, что я утомился? Ужели вы думаете легко обрабатывать предметы, которые я избралъ? Какой трудъ — вникать въ безцвѣтныя, безсвязныя, вялыя статьи! Какая трудность — отыскать ихъ смыслъ и связь, очистить малое ядро отъ многократной скорлупы! Мало-помалу мое любопытство охладѣло; мнѣ стало скучно вглядываться въ эти пустынные умозаключенія, невесело пробираться по этимъ болотистымъ и кочковатымъ соображеніямъ, и противно возиться съ этими неопрятными мыслями. Въ критикѣ на романъ Тургенева у васъ сказано: «Мы поговорили бы объ статьѣ г. Антоновича гораздо больше, еслибы могли сколько-нибудь понять отношеніе ея подробностей,

еслибы намъ удалось извлечь изъ нея хоть что-нибудь цѣльное и отчетливое и какъ-нибудь напасть на нить, связующую идеи автора.» Очевидно это преувеличено. «Извлечь нить» и «понять отношеніе подробностей» всегда возможно; нужно только потрудиться — и вашъ критикъ уклонился, утраченный тяжестью этого труда. Мнѣ же приходится теперь взять такой трудъ на себя.

Но чтоже дѣлать? Нельзя не писать. «Современникъ» шумитъ и ратуетъ; «Современникъ» *все свое критическое обозрѣніе* въ апрѣльской книжкѣ посвятилъ вашему журналу, и въ немъ преимущественно мнѣ. Нельзя же покидать наблюдательный постъ въ такую повидимому опасную минуту; нельзя принимать въ соображеніе только одного себя: нужно имѣть въ виду и другихъ.

Итакъ начнемъ же. Долгомъ считаю увѣдомить васъ, милостивый государь, что въ нашемъ литературномъ мірѣ, по моему замѣчанію, случилась нѣкоторая важная перемѣна. Виновникъ этой перемѣны есть никто иной какъ г. Антоновичъ, который по злобному замѣчанію нѣкоторыхъ людей вѣроятно уже стоитъ во главѣ нашей литературы. Слѣдовательно дѣло не маловажное. Г. Антоновичъ, какъ мнѣ кажется, уже успѣлъ внести въ нашу критику новое направленіе; по крайней-мѣрѣ характеръ двухъ его послѣднихъ статей — «Асмодей нашего времени» и «О духѣ «Времени», статей капитальныхъ по объему и содержанію, обозначился весьма рѣзко. Манера или лучше-сказать метода этой новой критики отличается необыкновенною простотою и опредѣленностью. Она состоитъ въ томъ, что предметы критики осуждаются что-называется огуломъ, гуртомъ, въ цѣломъ и въ частяхъ, безъ малѣйшей пощады или такъ-называемаго исключенія. Сія критика, милостивый государь, въ настоящее время поражаетъ новизною собственно только по своей древности. Ибо происхожденіе ея можно отнести не только къ гомерическимъ, но даже къ допотопнымъ временамъ. Въ тоже время образчики ея, какъ вообще образчики всего элементарнаго, постоянно можно встрѣчать и нынѣ, а именно всякій разъ какъ побранятся двѣ пьяныя или даже трезвыя бабы. Напримѣръ: «и отецъ твой пьяница, и мать твоя потаскуха, и если дѣти будутъ, то будутъ воры и мошенники!» Или въ другой формѣ, именно въ той, въ

которой употребила эту методу извѣстная слесарша: «побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтъ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобы и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся на вѣки, мошенникъ такой!»

Совершенно ту же методу употребилъ г. Антоновичъ въ отношеніи къ г. Тургеневу и къ вашему журналу. Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» онъ осуждаетъ все безъ исключенія: всѣ лица невыдержаны, всѣ разговоры невѣрны и нѣтъ ни психическаго анализа, ни хорошихъ изображеній природы. Но этого мало. По методѣ слесарши г. Антоновичъ не упустилъ и прежнихъ произведеній поэта; нетолько совершенно дурень послѣдній рассказъ Тургенева, но малымъ чѣмъ лучше и всѣ предыдущіе. А если ихъ хвалили, то это потому, что «критика ошибалась въ ихъ объясненіи».

Точно также въ вашемъ журналѣ г. Антоновичъ не пощадилъ ничего, за исключеніемъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» и «Записокъ изъ мертваго дома». Это исключеніе заявлено тщательно, потому что иначе читатель легко бы подумалъ, что всеобщій потокъ осужденія простирается и на эти произведенія. Затѣмъ — у васъ ничего нѣтъ: ни духа, ни направленія, ни серьезной мысли; ваши объявленія — шарады; ваши статьи отучаютъ мыслить, а критическій отдѣлъ — самый слабый изъ всѣхъ отдѣловъ. Для того чтобы твердо держаться своей методѣ, г. Антоновичъ, какъ видно, употребилъ нарочитые труды; онъ прочелъ все «Время» и даже статью г. Страхова «Жители планетъ», на которую и налегаетъ съ особеннымъ усердіемъ. Въ такой критикѣ все будетъ кстати.

Прибавьте къ этому самыя безцеремонныя искаженія въ выпискахъ, приписываніе автору того, чего онъ не говорилъ, и вы получите полное понятіе объ этой новой критической методѣ.⁽¹⁾

(1) Замѣтимъ здѣсь только одно искаженіе изъ многихъ. Г. Антоновичъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ «обстоятельныхъ и основательныхъ статьяхъ о народности», на которыя я будтобы ссылался; онъ утверждаетъ, что не нашолъ ихъ. Но я ссылался не на статьи о народности, а на статьи, *касающіяся исторіи вопроса о народности*. Не все равно народность и вопросъ о народности. Не все равно вопросъ о народности и исторія этого вопроса. Статьи, которыя касаются этой исторіи и на которыя я ссылался, принадлежать г. Григорьеву: «Народность и литература»,

Сія критика, милостивый государь, имѣеть многія невыгоды, но имѣеть также и свои удобства. Невыгоды ея состоятъ въ нѣкоторомъ недоувѣрїи, которое она возбуждаетъ и которое весьма значительно въ наше скептическое время. Положимъ вы скажете, что Тургеневъ не понимаетъ матерьялизма; легко можетъ быть, что найдутся люди, которые вамъ повѣрятъ, особенно если вы подтвердите ваши рѣчи разительнымъ доказательствомъ, что Тургеневъ вмѣсто «Kraft und Stoff» (заглавіе книжки Бюхнера) написалъ «Stoff und Kraft». Но пусть вы прибавите, что въ его романѣ нѣтъ ни одного живого лица, — на читателей нападетъ уже нѣкоторое сомнѣніе. Если вы по усердію еще присовокупите, что и описанія природы никуда не годятся, сомнѣніе читателей увеличится; если наконецъ вы станете увѣрять, что по своему направленію Тургеневъ всего ближе къ Аскоченскому, то вамъ уже рѣшительно никто не повѣритъ.

Но у этой критики есть также свои выгоды. Она можетъ имѣть большой вѣсъ у такихъ людей, которые сами не думаютъ, а вѣрятъ другимъ на-слово. А такихъ людей еще довольно на свѣтѣ. Если при этомъ они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ читать «Современникъ» и не читаютъ другихъ книгъ, если для нихъ г. Антоновичъ авторитетъ (вѣдь и это возможно), то такая критика можетъ надѣяться у нихъ на большой успѣхъ.

Во всякомъ случаѣ метода, о которой мы говоримъ, всегда свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ увлеченїи, о нѣкоторой потерѣ хладнокровїа. И дѣйствительно не трудно видѣть, что есть тѣсная связь между новою методою г. Антоновича и тѣми предметами, о которыхъ идетъ рѣчь въ его статьяхъ. Въ первой статьѣ дѣло шло о романѣ Тургенева, во второй о журналѣ «Время». Романъ Тургенева, если его разсматривать съ извѣстной стороны, представляетъ какъ многими было замѣчено, художественное изображеніе «Современника». Журналъ же «Время» во многихъ и различныхъ своихъ статьяхъ старался представить читателямъ критическое изображеніе «Современника». Такимъ образомъ этотъ романъ и этотъ журналъ

составляют какбы два зеркала, въ которыя можетъ поглядѣться «Современникъ», если желаетъ полюбоваться собою. Двѣ же статьи г. Антоновича означаютъ, что «Современникъ» поглядѣлся, но остался очень недоволенъ: плохи дескать зеркала! Вотъ отчего и приемы критики потребовались первобытные, допотопные. Забылъ онъ пословицу: «нечего на зеркало пѣнять, коли рожа крива!»

Можетъ-быть вы предполагаете, милостивый государь, что у «Современника» гораздо больше догадливости, что онъ смекаетъ въ чемъ дѣло? нимало, увѣряю васъ. «Современникъ», какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ нисколько не понимаетъ, за что на него нападаютъ. Я сейчасъ докажу это изъ статьи г. Антоновича.

Г. Антоновичъ упрекаетъ меня въ трусливости. Онъ основываетъ свой упрекъ на томъ, что я будтобы прячусь подъ маскою, что мое настоящее имя не Косица; чтобы ясно показать мнѣ мою трусость, онъ противопоставляетъ ей свою храбрость. «Я, говоритъ онъ — я Антоновичъ, а вы кто такой?»

Вы недоумѣваете, въ чемъ тутъ смѣлость и великодушіе? Вы не догадываетесь, какая важность можетъ быть въ томъ, что Антоновичъ есть дѣйствительное имя г. Антоновича? Между тѣмъ важность великая. По всему видно, что г. Антоновичъ только теперь начинаетъ подозрѣвать, что ставя свое имя подъ своими статьями, онъ поступаетъ очень отважно. Прежде онъ не предполагалъ, что дѣло это вовсе не безопасное и что для него нуженъ нѣкоторый героизмъ. Очевидно многократное упоминаніе его имени нетолько не кажется ему фиміамомъ славы, но даже составляетъ для него нѣчто непріятное и досадное. Вотъ почему, когда онъ хвалится своею скромностію, онъ доказываетъ ее тѣмъ, что *не называлъ* тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ; когда же упрекаетъ меня въ томъ, что я будтобы позволяю себѣ въ отношеніи къ нему личности, или, какъ онъ оригинально выражается, что я «придираюсь къ его фізіономіи», то онъ ставитъ на первое мѣсто то, что *имя его постоянно у меня на языкѣ*.

Какая же причина такого страннаго настроенія мыслей? Причина, милостивый государь, кроется въ тѣхъ «оскорбленіяхъ и поруганіяхъ», которымъ подвергся г. Антоновичъ, которыя онъ подробно исчисляетъ и

на которыя горько жалуется. Какъ—видно г. Антоновичъ совершенно недоумѣваетъ, отчего такъ жестоко нападаютъ на «Современникъ» вообще и на него въ частности.

«Отчего вы — спрашиваетъ онъ, обращаясь ко мнѣ — исключительно напали на меня и на «Современникъ» вообще? Ужели мои статьи такъ зловредны, что онъ требуютъ немедленнаго и сильнаго обличенія, составляютъ настоящій ядъ, которому вы думаете служить противоядіемъ? Пересмотрите фельетоны «С. петербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ, переберите другіе журналы: развѣ тамъ ничего не найдется, что заслуживало бы болѣе сильнаго опроверженія и болѣе беспощаднаго обличенія, чѣмъ мысли высказываемыя мною? А если ужь нигдѣ нѣтъ статей хуже моихъ, то во всякомъ случаѣ есть такія худыя какъ мои; отчего же вы ихъ оставляли безъ вниманія, а съ яростію и съ какимъ—то озлобленіемъ бросаетесь именно на мои статьи.» (1)

Съ такимъ же недоумѣніемъ онъ смотритъ вообще на нападенія другихъ журналовъ. Исчисливъ всѣ ихъ жестокости, онъ наконецъ говоритъ:

«Изъ такого поведенія журналовъ я вывожу слѣдующее заключеніе: «Современникъ» находится въ исключительномъ положеніи, онъ журналъ опальный, лишенный тѣхъ правъ, которыми пользуются другіе журналы. Если кто—нибудь назоветъ «Современникъ» пустоголовымъ и пустозвоннымъ прогресистомъ, онъ долженъ принимать это названіе какъ лестный комплиментъ, съ величайшею благодарностью; если же онъ назоветъ узкоголовымъ, то это названіе должно считаться величайшимъ оскорбленіемъ человѣческой личности. Если «Современникъ» назоветъ дуракомъ неизвѣстно кого, неопредѣленную величину X, можетъ—быть въ самомъ дѣлѣ дурака, тогда всѣ должны вознегодовать на «Современникъ» за его нестерпимую дерзость и нахальство; если же другіе прямо и лично назовутъ пишущихъ въ

(1) Долгомъ считаю отвѣтить, что г. Антоновичъ напрасно притворяется скромнымъ. Два раза, и только два я писалъ о немъ: въ письмѣ «Объ индюшкахъ и о Гегель» и въ письмѣ «Примѣръ апатіи»; оба раза я писалъ по поводу *нападеній*. Теперь онъ нападаетъ въ третій разъ; не обвинить ли онъ меня опять въ ярости?

«Современникъ» сумашедшими, бессмысленными, дикими, то они должны счесть это почетомъ для своихъ личностей и лобзать руку, карающую ихъ. Если каждая книжка всякаго журнала возстаётъ и бравурствуетъ противъ «Современника», то это принимается за доказательство миролюбія журналовъ и ихъ отвращенія отъ полемики. Если же «Современникъ» соберется отвѣтить на нападки, то это значить только, что онъ бранчивъ и дерзокъ и безъ полемики жить не можетъ, что онъ безъ ругательствъ тоже что рыба безъ воды и образованное общество безъ почвы.»

Горькія чувства проглядываютъ, милостивый государь, въ этихъ словахъ; немало въ нихъ досады и внутренняго уязвленія. Въ тоже время нельзя не чувствовать, что въ нихъ много глубокой и искренней правды. Всякій съ любовью слѣдящій за нашею литературой согласится, что главная черта въ отношеніяхъ нашихъ журналовъ къ «Современнику» есть непомерное *высокомѣріе*, а главная черта въ отношеніяхъ «Современника» къ другимъ журналамъ есть непомерная *наглость*. Одно вызываетъ другое и одно другимъ поддерживается.

Вопросъ очевидно интересный и важный. Почему въ самомъ дѣлѣ позволяютъ себѣ *бравурствовать* противъ «Современника»? почему его сотрудниковъ такъ легко признаютъ *сумасшедшими* и *дикими*? Не сомнѣваюсь что этотъ вопросъ немало любопытенъ не только для пишущихъ въ «Современникъ», но и вообще для всего нашего литературнаго міра.

Какъ же его рѣшаетъ самъ «Современникъ»? Понимаетъ ли онъ свое положеніе среди того хаотическаго міра, который именуется россійской словесностью? Едвали! Покрайней-мѣрь г. Антоновичъ даетъ на вопросъ очень темные отвѣты. По его мнѣнію все происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ злобы и ярости. «Иной — говоритъ онъ — понесетъ такую ахинею, что ее и опровергать не стоитъ, разбранить онъ васъ, но его брань и на ворота у васъ не виснетъ. А другой (подразумѣвается «Современникъ») скажетъ объ васъ только нѣсколько словъ, и эти слова зашевелиятъ всѣ ваши мозги и уколятъ васъ въ самое сердце. Вотъ почему вы и поставили для себя спеціальной задачей ратовать противъ «Современника» и проч. — Вотъ самая главная,

самая существенная причина, которую «Современникъ» выставяетъ, чтобы объяснить, почему его сотрудники признаются сумасшедшими и дикими.

Но посмотримъ, хорошо ли осмтрѣлся г. Антоновичъ; принялъ ли онъ во вниманіе все что слѣдуетъ? Нельзя не отдать ему справедливости, что онъ отлично помнитъ все, что въ чужихъ словахъ показалось ему непріятнымъ. Неразь уже онъ жаловался на обиды и теперь перечисляетъ ихъ подробнѣе прежняго. Онъ упоминаетъ о томъ, что «Русскій Вѣстникъ» поставилъ его на одну доску съ Иваномъ Яковлевичемъ. Помнитъ онъ и то, что «Отечественныя Записки» назвали его прямо сумасшедшимъ, нуждающимся въ медицинской помощи. Вообще въ отношеніи къ порицанію г. Антоновичъ оказывается необыкновенно чуткимъ. Въ одномъ изъ моихъ писемъ я упомянулъ, что по мнѣнію «Русскаго Вѣстника» г. Антоновичъ понятія неимѣетъ о томъ, что значить мыслить. Г. Антоновичъ положительно говоритъ, что я раздѣляю это мнѣніе. Въ другой разъ я высказалъ въ видѣ осторожнаго предположенія, что можетъ-быть г. Антоновичъ еще негодится для того, чтобы писать о Гегель; г. Антоновичъ говоритъ такъ, какъ-будто я считаю это предположеніе несомнѣннымъ. Наконецъ однажды я заимствовалъ изъ одной нѣмецкой книги мысль, что «недолжно писать о томъ, чего не знаешь» и украсилъ эту мысль свое письмо къ вамъ, неотнося ее ни къ кому особенно. Г. Антоновичъ и ее принялъ на свой счетъ. Это вы мнѣ, говоритъ, нравоученія читаете.

Все это безъ сомнѣнія прекрасно. Очень хорошо дѣлаетъ г. Антоновичъ, что онъ помнитъ рѣчи, о немъ сказанныя; очень похвально, что онъ примѣняетъ къ себѣ нравоученія, которыя находятъ въ книгахъ.

Но вѣдь этого еще очень недостаточно, слишкомъ мало для того, чтобы понимать свое положеніе. Для такого пониманія нужно помнить не только то, что сказано, но и то, за что сказано. И въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, г. Антоновичъ совсѣмъ не такъ памятливъ, какъ нужно бы желать.

Объ одной изъ статей «Современника» я сказалъ, что судить о ней легко, что она есть *совершенная дичь*. Г. Антоновичъ это помнитъ и

жалуется на такой отзывъ. Дурно онъ дѣлаетъ только то, что забываетъ статью, о которой шло дѣло. Это была статья г. Чернышевскаго о *падении Рима*, статья, въ которой утверждалось, что Римъ палъ *только отъ варваровъ*, что *никакихъ внутреннихъ причинъ* для его паденія *не было*. «Современникъ» раза три пытался опровергать нѣкоторыя мысли, высказанныя мною по этому поводу; а теперь уже молчитъ, и о знаменитой статьѣ нѣтъ и помину.

Помнить г. Антоновичъ, что я предполагалъ его неспособнымъ писать о Гегелѣ. Онъ обижается отзывомъ, и чтобы устранить его, начинаетъ рассуждать о категоріяхъ. Гм! категоріи! Какой важный и, осмѣлюсь сказать, трудный предметъ! Г. Антоновичъ прежде утверждалъ, что существуетъ два рода категорій; теперь онъ даетъ дѣлу такой видъ, будтобы онъ хотѣлъ только сказать, что Кантъ и Гегель различно смотрѣли на категоріи. Еслибы такъ, кто бы съ нимъ не согласился? Но въ заключеніе Гегель все-таки выходитъ у г. Антоновича какимъ-то *полупомѣшаннымъ* (по выраженію г. Антоновича). «По Гегелю — говоритъ онъ — категоріи принадлежать не человѣку, не человѣческому мышленію. Онѣ существуютъ не въ головѣ человѣка» и проч. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ остроумно толкуетъ Гегеля г. Антоновичъ, возьмемъ простой примѣръ. Положимъ: человѣкъ видитъ домъ. Представьте, что Гегель по этому случаю сдѣлалъ бы слѣдующее простое замѣчаніе: домъ однакоже не находится въ человѣкѣ. А г. Антоновичъ кричитъ: смотрите, смотрите! Гегель утверждаетъ, что *не человѣкъ* видитъ домъ, что видѣніе совершается *внѣ человѣка!*

Еслибы дѣйствительно было два рода категорій, какъ сперва полагалъ г. Антоновичъ; еслибы напримѣръ въ головѣ человѣка были однѣ категоріи, а дѣйствительности другія, тогда конечно Гегель былъ бы полупомѣшаннымъ. Но въ томъ все и дѣло, что существуютъ только одного рода категоріи, что то самое, что видитъ человѣкъ, существуетъ однакоже внѣ человѣка. И этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что иногда человѣку мерещатся вещи несуществующія.

Да впрочемъ — что категоріи! Зачѣмъ г. Антоновичъ даетъ себѣ важный видъ, будтобы онъ споритъ о категоріяхъ? Вѣдь въ прежнемъ

моемъ письмѣ я сдѣлалъ о нихъ замѣчаніе мимоходомъ; вѣдь заключеніе о томъ, что г. Антоновичъ можетъ-быть негодится еще для того, чтобы писать о Гегелѣ, было строго выведено мною *раньше тѣхъ десяти строкъ*, которая столь усердно выписываетъ и разбираетъ г. Антоновичъ. Отчего же онъ помнить заключеніе, а не помнить посылку, изъ которыхъ оно прямо вытекаетъ?

Г. Антоновичъ сердится, что его называютъ юнымъ; въ этомъ случаѣ онъ повидимому справедливо жалуется на личность. Но собственно говоря, каждый разъ, когда дѣло идетъ объ его юности, онъ долженъ бы былъ вспомнить, что объ этой юности возвѣстилъ читающему міру г. Чернышевскій. Вотъ грѣхъ, на который намекаютъ эти шутки.

Г. Антоновичъ примѣнилъ къ себѣ нравоученіе: недолжно писать о томъ, чего не знаешь. Но онъ какъ-видно забылъ почему это нравоученіе такъ удобно къ нему примѣняется: примѣняется потому, что онъ вздумалъ утверждать, будтобы нѣмцы стали опровергать цѣлыя науки и будтобы Гаймъ отрицаетъ философію.

Г. Антоновичъ припоминаетъ, какъ объ обидномъ отзывѣ, о томъ, что сказано въ вашей критикѣ: что Тургеневъ показалъ «Современнику», что онъ понимаетъ «Современникъ» лучше самого «Современника». Но г. Антоновичъ совершенно забываетъ, что у васъ это не только сказано, но и доказано. Ни одинъ журналъ столько не возился съ «Современникомъ», какъ вашъ, но ни одинъ же не отдавалъ ему такой справедливости и такъ вѣрно не цѣнилъ его.

Еслибы г. Антоновичъ все это и многое другое подобное помнилъ и сообразилъ, то можетъ-быть онъ иначе бы понялъ и оцѣнилъ жестокіе отзывы о «Современникѣ» вообще и о немъ въ частности. Безъ причины ничего не бываетъ. Теперь же г. Антоновичъ только дивится и жалуется. «Это все одна злоба», говоритъ онъ. «И зависть», прибавляетъ почтенный, но веселый хроникеръ въ той же книжкѣ «Современника». Такіе отзывы всего лучше показываютъ, какъ мало сотрудники «Современника» понимаютъ, почему они попали въ *опальное* положеніе.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ уваженіемъ «Время» смотритъ на литературу; оно считаетъ ее самымъ правильнымъ, наиболее органическимъ явленіемъ нашей современной жизни. «Время» усердно занимается литературой, постоянно слѣдитъ за ней. Понятно, что оно должно было придти въ антагонизмъ съ «Современникомъ», какъ съ журналомъ, который также занимается критикою и который не даетъ литературѣ ея настоящаго значенія и называетъ ее «праздною болтовнею». Понятно, что этотъ антагонизмъ долженъ былъ выражаться не только въ каждой книжкѣ, но почти въ каждой критической статьѣ. А г. Антоновичъ говоритъ: «все это — одна злоба!» «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

«Время» указывало на народность, заявляло желаніе искать народнаго духа во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни, искать сближенія съ нимъ. Для «Современника» все это были пустыя фразы и онъ ждалъ спасенія отъ «хорошихъ книжекъ» г. Чернышевскаго. Антагонизмъ былъ неизбеженъ. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Въ выборѣ своихъ беллетристическихъ статей «Время» останавливалось особенно на такихъ, въ которыхъ просвѣчиваютъ положительныя стороны нашей народной жизни. «Современникъ» до сихъ поръ держится въ своей беллетристикѣ обличительнаго направленія. «Время» высоко чтитъ Пушкина, какъ единственную звѣзду первой величины въ нашей литературѣ; для «Современника» Пушкинъ есть поэтъ эротическій и военный. «Современникъ» сравнилъ Тургенева съ Аскоченскимъ; «Время» вооружилось за романиста. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Что касается до меня, то я указалъ на то, что «Современникъ», поддерживая свои идеи, доходитъ до отрицанія *общихъ авторитетовъ*, напримѣръ поэзіи, исторіи, философіи, литературы. Три раза «Современникъ» пробовалъ отстранить этотъ упрекъ, а теперь онъ о немъ и не поминаетъ. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Зависть и злоба! Не странно ли, что дѣло принимаетъ такой исключительно личный характеръ въ глазахъ сотрудниковъ

«Современника»? Послушать ихъ, такъ «Время» только изъ-за того и бьется, чтобы доказать, что г. Антоновичъ не умѣетъ мыслить; какъ-будто кому-нибудь это нужно!

Чтоже удивительнаго, что на «опальный журналъ» сыплются упреки въ сумашествіи и дикости, когда онъ въ самомъ дѣлѣ не всегда отличается здравомысліемъ и образованностію? Пишущіе въ этомъ журналѣ какъ кажется не могутъ себѣ представить, чтобы можно было стоять за что-нибудь, кромѣ какъ за себя, чтобы у человѣка могли быть какіе-нибудь высшіе интересы, кромѣ самолюбія, чтобы можно было безъ всякаго своекорыстія ревностно служить наукѣ, литературѣ, поэзіи. Между тѣмъ такое служеніе есть истинно человѣческое дѣло и должно быть особенно понятно именно писателямъ. Только это служеніе даетъ писателю сознаніе собственнаго достоинства и право на то уваженіе, съ которымъ обыкновенно смотрятъ на него простые читатели. Если мы и враждуемъ между собою, если оспариваемъ и осмѣиваемъ другъ друга, то уваженіе къ намъ не утрачивается только потому, что въ этихъ бояхъ видятъ не одну борьбу своекорыстія, не одни эгоистическіе интересы, но чувствуютъ въ нихъ также присутствіе безконечно высокаго и драгоцѣннаго интереса — истины.

И слѣдовательно люди, которые даютъ всему дѣлу личный характеръ, которые въ полемикѣ противъ нихъ видятъ одно *нападеніе*, *преслѣдованіе*, одну *зависть и злобу*, которые пришли къ мысли, что изобличеніе ихъ даже на поприщѣ истины не есть услуга для общаго блага, а только враждебное дѣйствіе противъ нихъ, — однимъ словомъ люди, которые бывають склонны ставить личности выше истины, обнаруживаютъ этимъ глубокой цинизмъ своихъ понятій. Они не вѣрятъ, что можно выше всего дорожить истиною; а кто этому не вѣритъ, тотъ вмѣстѣ показываетъ, что и самъ онъ мало дорожить ею.

По этому случаю приведу здѣсь жестокое слово, которое было произнесено по поводу вашей статьи о Добролюбовѣ и о которомъ кстати упомянуть здѣсь. Въ одномъ журнальцѣ было сказано, а въ другомъ повторено, что эта статья представляетъ нѣкотораго рода «преслѣдованіе человѣка за гробомъ». Преслѣдованіе за гробомъ! Каковъ упрекъ? Какое чудовищное предположеніе, высказываемое

однакоже съ величайшею легкостью! Какъ не узнать въ этомъ уже не поклоненія авторитету, а даже прямо фанатизма, то-есть слѣпого поклоненія, при которомъ предметъ поклоненія стоитъ выше всякой критики? Даже самая формула напоминаетъ нѣчто священное: — за гробомъ! Очевидно все похожее на *изслѣдованіе* должно имъ показаться *преслѣдованіемъ*. Они хорошо чувствуютъ, что кто началъ мыслить о предметѣ, тотъ уже пересталъ благоговѣть передъ нимъ, и потому статья, которая дѣйствительно говоритъ о Добролюбовѣ, имъ непременно кажется статьею *противъ* Добролюбова.

Сотрудники «опальнаго» журнала недаромъ чувствуютъ, что ихъ трактуютъ высокомерно, что каждый разъ, когда о нихъ судятъ, сужденіе получаетъ непріятную для нихъ вѣсковость. Но откуда же это высокомеріе? Отчего люди въ сущности скромные, заговоривъ о «Современникѣ», кажутся высокомерными? Что придаетъ тяжесть сужденіямъ? Легко убѣдиться, что эти рѣчи становятся гордыми и тяжелыми не отъ того, *кто* ихъ произноситъ, а отъ того, *во имя чего* онѣ произносятся. Немудрено, что судъ, произносимый во имя логики, науки, искусства, литературы, является высокомернымъ, беспощаднымъ; въ самомъ дѣлѣ на него нѣтъ апелляціи.

Итакъ я опять говорю объ общихъ авторитетахъ, объ истинѣ, наукѣ, литературѣ и проч. Пусть не ошибается г. Антоновичъ въ смыслѣ моего письма; я не сталъ бы писать, еслибы дѣло состояло только въ защитѣ отъ его нападеній. И это не высокомеріе, не натянутое презрѣніе: это настоящее, правильное отношеніе къ дѣлу.

Правильная точка зрѣнія всего менѣе понятна для людей, для которыхъ личности заслоняютъ предметъ рѣчи. Что-бы ни говорилось и какъ бы ни говорилось, они во всемъ этомъ хотятъ видѣть только одно: говорится ли *за* нихъ, или *противъ* нихъ. Поэтому самыя простыя и ясныя рѣчи получаютъ въ ихъ глазахъ превратный смыслъ. Они доходятъ до того, что рѣчей безпристрастныхъ вовсе не понимаютъ. Если хотите видѣть доказательство этому, прочтите то что говорится въ «Искрѣ» противъ вашей статьи о Добролюбовѣ. То что у васъ сказано явно въ похвалу Добролюбову, тамъ принимается за порицаніе, и

«Искра», опровергая васъ, пытается объяснить читателямъ то самое, что у васъ же объяснено гораздо отчетливѣе.

Одинъ изъ самыхъ забавныхъ случаевъ непониманія представляетъ между прочимъ тотъ же № 4 «Современника», гдѣ красуется статья г. Антоновича противъ васъ. Въ «внутреннемъ обозрѣнїи» не разъ упоминается о томъ, что «Время» будтобы *злостно продергиваетъ* слово *бесѣдовать*. Очень живо помню, гдѣ и о комъ сказано во «Времени» это слово. Оно имѣетъ тамъ свой естественный, законный смыслъ и не содержитъ ни малѣйшаго злобнаго намека. Очень странно, что такимъ образомъ простѣйшія въ мірѣ слова подвергаются особенному толкованію и подозрѣваются въ нѣкоторомъ злоумышленіи. Это непониманіе, это уклоненіе отъ прямого смысла рѣчи, происходитъ вслѣдствіе того, что непременно желаютъ отыскать похвалу или порицаніе, и потому утрачиваютъ способность понимать простое *сужденіе*, способность мыслить внѣ заколдованнаго круга личностей.

Въ этомъ отношеніи какъ много выше пишущихъ въ «Современникѣ», г. Писаревъ, писатель, котораго важное значеніе я первый открылъ и которымъ я всегда пользуюсь, когда мнѣ въ видѣ укорины нужно привести примѣръ чистосердечія и прямоты.

Одинъ только разъ возражалъ мнѣ г. Писаревъ и вотъ что онъ сказалъ:

«Воззрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны; есть мое, ваше воззрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждого свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами г. Н. Кос., которыя онъ хотѣлъ сказать мнѣ *въ пику*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно, и чуръ одинъ другому не мѣшать!» Нашолъ въ чемъ упрекнуть! Въ самостоятельности мысли. Давай–богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты.» («Р. Слово» 1861 г. № IX.)

Какъ видите, г. Писаревъ *совершенно согласенъ* съ моимъ замѣчаніемъ, хотя считаетъ его съ моей стороны упрекомъ; можно ли же его сравнить съ тѣми, которые не соглашаются даже съ похвалами

только потому, что никакъ не разберуть въ чемъ дѣло и подозрѣвають въ нихъ *желаніе обругать?*⁽¹⁾

Н. Косица.

(1) Мы находимъ это письмо весьма недостаточнымъ и удивляемся легкомыслію и односторонности своего сотрудника. Считаемо нужнымъ прибавить по крайней-мѣрѣ слѣдующія замѣчанія:

1) Г. Антоновичъ нашолъ у насъ множество противорѣчій и требуетъ ихъ разъясненія. Эхъ вы! Чудачина! (Мы пародируемъ здѣсь манеру г. Антоновича и допускаемъ такое обращеніе только въ этомъ смыслѣ.) Да мало ли противорѣчій, мы вамъ указывали у васъ, а вѣдь вы *ни одного* изъ нихъ и не подумали разрѣшить. Что же вы къ намъ-то пристали?

2) Г. Антоновичъ опять предлагаетъ «Времени» множество вопросовъ. Онъ проситъ, чтобы «Время» его *научило* и основываетъ свою просьбу на томъ, что онъ подписчикъ «Времени» и заплатилъ за журналъ 16 рублей. Редакція симъ увѣдомляетъ его, что она никакъ не брала, а равно не можетъ взять на себя и впредь трудную обязанность научить его, а потому готова по первому востребованію возратить ему деньги, съ вычетомъ однакоже за полученныя имъ книжки.

3) Г. Антоновичъ требуетъ отъ г. Косицы, чтобы тотъ объяснилъ ему, о какомъ идеализмѣ идетъ рѣчь въ письмѣ: «Примѣръ апатіи». Неимѣя нимало въ виду «придираться къ фізіономіи» г. Антоновича (извините за его собственное выраженіе), мы замѣтимъ вообще, что всякій человекъ, дѣлающій такой вопросъ, очевидно съ трудомъ еще понимаетъ связь предложеній, стоящихъ одно возлѣ другого. Иначе онъ не могъ бы упустить изъ виду, что въ разбираемой имъ статьѣ тутъ же стоитъ прямое опредѣленіе идеализма, съ его вредной стороны. «Не все ли зло — сказано нами — происходитъ оттого, что мы слишкомъ уважаемъ то, что не слѣдуетъ уважать, считаемъ важнымъ то, что не имѣетъ никакой важности? Что мы такъ охотно признаемъ право тамъ, гдѣ нѣтъ права, что мы такъ легко жертвуемъ собою, такъ легко вездѣ творимъ себѣ идоловъ и кумиры?»

А потомъ вотъ еще: съ какой стати г. Антоновичъ клеветъ на насъ, будто мы «Современникъ» сравнивали съ Базаровымъ? Это было бы ужь непростительно дерзко съ нашей стороны. Мы разъ какъ-то осмѣлились уподобить его Ситникову, да и это сдѣлали съ разными оговорками. Нужно же вѣдь и врагамъ отдавать справедливость. *Ред.*